

—Итак, я остался в аспирантуре.

—Иногородних аспирантов теперь уже не селили, как раньше, в нашей родной физфаковской общежитии № 1 на Добролюбова, 6/9. Пришлось мне перебраться с Петроградской стороны в Гавань, на примыкавший к Финскому заливу край Васильевского острова, где по адресу улица Шевченко, 25 (в самом конце Среднего проспекта, у кинотеатра "Прибой" - направо) располагалось четырёхэтажное общежитие ЛГУ № 4, предназначенное для аспирантов всех факультетов.

—Комнаты здесь были все стандартные, четырёхместные с маленьким предбанником, где размещались два стальных шкафа. В самой комнате по стенам стояли 4 кровати с тумбочками и стол посередине. Комфорта по сравнению с тем, как мы жили со Стырой на Добролюбова, здесь было, конечно, меньше, из-за многолюдности хотя бы, и до университета пешком уже не добежишь - минут пятнадцать надо было ехать на седьмом автобусе, до которого ещё идти надо минут пять, да ждать его на остановке. Хорошо хоть, что давки такой нет, как в центре.

—Соседями моими по комнате оказались: Володька Кошелевский, уже проучившийся год в аспирантуре, Валера с теплофизики, не помню фамилии, и ещё один парень, Ионас, литовец по происхождению, но вполне русского вида и характера, биолог, пивший спирт, к которому имел свободный доступ у себя на кафедре, почём зря, просто так, без всякого повода, часто засыпавший с папиросой в зубах.

—С Кошелевским вместе я уже жил, а двое новых соседей оказались весьма дружелюбными, покладистыми ребятами, с которыми было и поболтать приятно, за рюмкой в особенности, и жить просто, причём, что в общежитии немаловажно, не неряхи. Ионас, хоть и пил каждый день, но от уборок не отлынивал, а Валера так вообще был чистюля. Курили, правда, мы трое прямо в комнате, отчего Кошелевский в скором времени от нас сбежал. К тому же и подсмеивались мы над ним часто, особенно над его скаредностью: у него сало в посылочном ящике под кроватью аж пожелтело всё от древности, а он его всё берёт и не щедрится на угощение, даже когда нам закусить было нечем (сам он с нами не пил).

—Какое-то время вместо Кошелевского с нами жил один индонезиец, довольно беспутный малый, впрочем, тяжело переживавший массовые репрессии того времени у себя в стране, что-то его самого ожидало на родине? Индонезийца сменил армянин Миша, добрый парень с типичным армянским лицом, украшенным крупным грустным носом и тёмными грустными глазами. Миша любил жарить баранину на сковороде и получалось у него не хуже фирменного шашлыка, других блюд он не признавал, исключая вынужденное питание в столовых в будние дни. Миша был очень тихим и покладистым жильцом, но как-то раз они с Валерой умудрились до крови подраться. У Миши что-то не ладилось с работой, срок аспирантуры подходил к концу, он подпил с горя, а Валера пошутил как-то неудачно, тут Миша и показал свой кавказский характер.

—Вообще же мы жили весьма дружно. Но в комнате в общежитии я появлялся только по вечерам, обычно после десяти уже. Заниматься там было неудобно, и я все дни проводил либо на кафедре, либо в "горьковке" - общеуниверситетской библиотеке имени Горького, расположенной в самом конце знаменитого коридора, тянувшегося вдоль всех двенадцати коллегий главного здания ЛГУ и произведшего на меня сильное впечатление, когда я принёс сюда сдавать документы в шестидесятом году.

Первым делом я решил разделаться со сдачей кандидатского минимума по философии и иностранному языку, чему, главным образом, и посвятил первые месяцы своей учёбы в аспирантуре, не забрасывая, конечно, и литературу по пульсациям. Для сдачи экзамена по философии нужно было написать реферат на одну из предложенных тем. Я выбрал что-то вроде "Анализ космогонических гипотез с позиций

диалектического материализма". Руководством для написания реферата мне служила популярная брошюра украинского академика Всехсвятского (кажется, Юста - Иоста, от Иосиф Сталин, Всехсвятская из ИЗМИРАН - его дочь). В этой брошюре меня поразили чёрным по белому напечатанные фразы, в которых Нильс Бор, Макс Планк, да и Эйнштейн, кажется, награждались эпитетами, среди которых "поповствующий физик" был самым мягким; философские воззрения их не назывались иначе как бредовыми. А ведь брошюра была издана в годы, когда казалось, что волна помоев, вылитых на буржуазную науку в сталинское время, прокатилась и исчезла навсегда. Фамилии же Бора, Планка и Эйнштейна и в худшие времена не исчезали со страниц учебников физики. Академикам нашим, видать, трудно было остановиться.

___Скомпилировав ту часть брошюры, которая не вызывала у меня особого отвращения, я написал реферат страниц на тридцать машинописного текста и получил за него "отлично". Вкупе с устным экзаменом (в мае уже) я получил суммарную оценку "хорошо" по философии.

___Для допуска к экзамену по немецкому языку требовалось вначале сдать "тысячи" - определённый объём перевода с немецкого специального и общественно-политического (газетного) текста, измеряемый в тысячах печатных знаков (тысяч сто нужно было сдать, кажется). С "тысячами" я справился сравнительно легко, но на экзамене получил всего лишь "хорошо" вследствие слабого владения разговорным языком, хотя и в школе, и в университете (на младших курсах велись занятия по иностранному языку) получал одни пятёрки. На старших же курсах, при работе над курсовой и дипломом я столкнулся с необходимостью чтения литературы исключительно на английском языке, на котором издавались все основные зарубежные журналы по космической геофизике.

___Ещё в психбольнице я начал изучать английский по самоучителю и продолжил изучение уже в практическом переводе необходимых мне научных статей, так что перед сдачей кандидатского минимума я даже задумался - какой язык сдавать, так как с английского у меня было много переведено для себя и не было проблемы "тысяч" по специальному научному тексту. Но мой лексикон в английском был очень ограничен из-за чтения и перевода только научных статей, и я решил сдавать немецкий, в котором давно не тренировался и который основательно подзабыл.

___Так и до сих пор (*писано в 1981-м году*) я, к своему стыду, легко читая без словаря научную литературу на обоих языках, практически не владею разговорным ни на одном из них, отчего весьма страдал во время поездки в ГДР в 1979-м году: неловко чувствовал себя перед коллегами-немцами, прилично говорившими и по-русски, и уж тем более по-английски.

([продолжение следует](#))